

ДАН СЕВЕРИН

ФАКЕЛ

18+

Дан Северин

Факел

<https://litres.ru/74682192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люмен приходит в себя в разбитой «Стрекозе». Из кабины его вытаскивает Эли — девушка с резакон, прямыми ответами и нашивкой старого корабля на куртке. За шесть часов в поезде они успевают согреться, выпить чаю и немного узнать друг друга.

В городе Люмен знакомится с художницей Эли ближе. Он узнаёт и колонию, которая всё ещё живёт памятью об уходе тех, кто должен был её защитить. Теперь отношения с Империей рушатся, на улицах ищут виноватых, а попытка Люмена помочь оборачивается чувством вины.

Он прибыл из цивилизации Творцов, где вмешательство в чужую жизнь ограничено правилами. Но Эли становится ему слишком близка, чтобы просто наблюдать. Когда ей угрожает опасность, Люмену предстоит принять решение, за которое отвечать придётся уже перед своими.

Содержание

1101	4
Кафе и заварка	10
Утро в городе	13
Торговый центр	15
Рассвет	19
Имперский визит	22
Обыск	25
Ягодный чай	29
Храм Хаоса после новости	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дан Северин

Факел

1101

Люмен очнулся от запаха гари и собственной крови. В ушах затихал вой аварийных систем. На симуляторах после такого звука упражнение заканчивалось.

Он попробовал поднять руку. Ремни врезались в плечи: Люмен висел вниз головой в кресле, зажатом среди смятых панелей «Стрекозы».

Наставник говорил: «Мягкая посадка — это когда ты можешь выйти сам». До мягкой посадки оставалось отстегнуться.

— Ты как, жив?

Люмен повернул голову. Шею прострелило, под кожей пискнул перезагружающийся лингвомодуль. В проломе стояла девушка с гидравлическим резакom. Свет тлеющих панелей падал на короткие тёмные волосы и нашивку на плече куртки.

— Жив, — ответил он. Переводчик наконец заработал; слова вышли на местном наречии, с хрипом от дыма.

— Хорошо. Только не дёргайся.

Она подошла вплотную, подставила плечо. Резак переку-

сил фиксаторы, и Люмен повалился на неё. Девушка удержала его, хотя он был выше и шире в плечах.

— Ох, — выдохнул он ей в куртку. От ткани пахло травой.

— Тихо. Обопрись.

Она ощупала ему рёбра, посмотрела в зрачки.

— Рёбра вроде целы. Сотрясение есть, руку разбил прилично. Встать сможешь?

— Если поможешь.

— Помогу. На то я и здесь.

Она подхватила его под мышку и вывела через пролом. У выхода Люмен заметил на обломке число: 1101. Потом шагнул наружу и жадно вдохнул холодный воздух.

«Стрекоза» лежала в неглубокой воронке. Над корпусом поднимался пар, из системы пожаротушения ещё выдавливало пену.

— Красивая, — сказала девушка, оглядывая корабль. — У нас таких нет. Ты издалека?

— Очень. Исследователь, частник. Сбился с курса, топливо кончилось...

Он держался легенды. Сейчас бы ещё вспомнить, как стоять без чужой помощи.

— Ага. Пойдём, тут станция рядом. Оттуда магнитка до города. Шесть часов ехать, успеем познакомиться.

— Шесть часов? — Рука болела всё сильнее.

— А ты куда спешишь? Корабль твой уже всё, местные разберут на запчасти. К утру ничего не останется, зато у трёх

посёлков отопление будет. У нас так принято: падающее — общее.

Люмен оглянулся на корпус.

— Демократично. Меня, кстати, Люмен.

— Красивое имя. Светлое. Я Эли.

На станции работала одна лампочка. Эли помогла ему дойти до бетонной стены; пока ждали поезд, он разглядел её куртку. Плотная ткань, серебристая нить по швам. На штанах — аккуратные защитные вставки, ботинки ручной работы. Наставник приучил замечать качество.

— Что? — спросила она, поймав его взгляд.

— Ты хорошо одета. Для станции посреди ночи.

— Привычка. Бабка говорила: «Выходишь из дома — выгляди так, будто идёшь на праздник. Вдруг сегодня тот самый день?» Я и выхожу.

— И часто он случается?

— Пока нет. Может, сегодня?

Он не нашёлся с ответом и посмотрел на табло. Среди цифр мелькнуло 1101. Люмен хотел приглядеться, но к станции уже подходила магнитка — длинная, с синими огнями вдоль корпуса.

В вагоне было тепло и пахло выпечкой. У входа стоял автоматический киоск.

— Есть хочешь? — спросила Эли.

Люмен собирался отказаться, но в животе заурчало.

— Хочу.

Она купила два пирожка с зеленью и чай в картонных стаканках. Помогла ему сесть на мягкую скамью, устроилась напротив. Вагон тронулся; за окном проплыли последние огни станции.

— Руку дай посмотрю.

Эли осторожно повернула его кисть к свету.

— Перелома нет. Трещина может быть, но скорее ушиб. В больнице зашьют, через неделю забудешь.

— Ты врач?

— Нет. Просто много раз видела.

Люмен забрал руку. До больницы ещё доехать надо. Он откусил пирожок и снова посмотрел на нашивку.

— А это что?

Эли коснулась плеча. На ткани был вышит корабль старой конструкции. Люмен узнал его по архивам Творцов: раздел ранних человеческих колоний, тип «Ковчег».

— Красивая, правда? Многие носят. Талисман вроде. Что мы не всегда были одни.

— А сейчас одни?

Она помолчала.

— Сейчас учимся быть одни. Получается так себе.

Люмен жевал пирожок. Зелень оказалась пряной, чай обжигал пальцы сквозь картон. Он понемногу согревался.

— Расскажи о себе, — сказала Эли. — Откуда ты, куда летел? Только честно. Я всё равно пойму, если соврёшь.

— Почему поймёшь?

— Глаз намётан. Я много всего видела. И много кого.

Наставник учил: лучшая легенда — та, в которую веришь сам. Люмен посмотрел на Эли. Она ждала ответа, держа стакан обеими руками. После всего, что она для него сделала, повторять про частника не хотелось.

— Я с Творцов, — сказал он тише. — Другая цивилизация, далеко отсюда. Мы изучаем миры. Иногда помогаем. Иногда просто смотрим.

— А с нашим миром что? Помогать пришёл или смотреть?

— Не знаю ещё. Я только упал.

Эли кивнула и отпила чай.

— Тогда смотри пока. А помогать здесь сложно. Мы сами не знаем, как себе помочь. Когда кто-то пытается, получается только хуже.

За окном прошли огни посёлка. Эли проследила за ними, потом наклонилась к Люмену.

— Слушай, а на шее у тебя что за штука? Светится вон.

Он коснулся лингвомодуля. Тот слабо фосфоресцировал: переводчик работал.

— Вживлённый переводчик. Чтобы понимать вас.

— Удобно. Больно было ставить?

— Терпимо. Наставник сказал: «Красота требует жертв».

— Наставник?

— Отец, — Люмен запнулся. — Ну, не отец. Тот, кто меня воспитал. У меня нет родителей.

— Понимаю.

Она больше не расспрашивала. Люмен допил чай, устроил больную руку на коленях. На поручне рядом с ним было выбито 1101.

Он подался ближе. Те же четыре цифры на корабле, на табло и теперь здесь. Может, обычный номер. Только что он нумеровал?

— Эли, а что значит 1101?

Она посмотрела на поручень, потом на него.

— Ничего. Просто цифры.

Ответила ровно, но перед ответом помедлила. Люмен ещё раз прочёл число. Расспрашивать дальше он пока не стал.

Остаток пути они молчали. Ему было удобно сидеть с ней рядом; когда рука начинала ныть, он вспоминал, как она удержала его в кабине.

Через шесть часов поезд въехал в город. Люмен смотрел на незнакомые улицы за окном. Сначала нужно было добраться до больницы.

Кафе и заварка

В «Уголке» пахло пережжённым сахаром и мокрыми куртками. Телевизор над стойкой работал без звука. Эли остановилась у входа, нашла взглядом мужчин за столиком у окна и прошла к ним.

Мальдонадо сидел напротив свободного места у стены. Рядом с ним — молодой напарник, который даже не представился. Эли сняла перчатки, села и положила перед ними бумажный свёрток.

— Заварка. С верхних террас. Настоящая, не та пыль, что в магазинах.

На липком столе чашка стояла слишком близко к краю. Эли подвинула её. Оба мужчины посмотрели на её руку. Мальдонадо к заварке пока не притронулся.

— Слышали, ты сегодня отличилась. Падающий звездолёт поймала.

— Не поймала. Мимо проходила.

— В три часа ночи? В двадцати километрах от города?

— Не спится.

Мальдонадо усмехнулся.

— Давно? Ладно, Эли, ты не обязана отчитываться. Мы просто хотим понять, что за птица к нам залетела.

— Говорит, исследователь. Частник. Сбил с курса.

— Говорит, — повторил он и развязал бечёвку. Накло-

нился понюхать чай. — Красивая упаковка. Аккуратная. Те, кто сбивается с курса посреди ночи, обычно выглядят иначе. И пахнут иначе.

— Он выглядит... чистым.

Мальдонадо поднял бровь.

— Чистым?

— Не нашим. Не имперским. Другим. Не знаю, как объяснить.

Напарник повернулся к ней.

— Другие нам не нужны. Нам нужны предсказуемые.

— Я разберусь, — сказала Эли. — Дайте время.

— Время у тебя есть.

Мальдонадо потянул свёрток к себе. Эли поправила загнущийся край бумаги и задела локтем чашку с остатками кофе. Чашка качнулась и устояла. Свёрток съехал на пол. Чай рассыпался по грязному кафелю.

За стойкой капала вода. Эли нагнулась за бумагой.

— Не надо, — остановил её Мальдонадо. — Не убирай. Оставь.

Она выпрямилась.

— Это случайность.

— Ты никогда не роняешь вещи. Ты самая аккуратная женщина из всех, кого я знаю. А тут падает звездолёт, ты оказываешься рядом, потом роняешь заварку. В один день.

— Совпадение.

— Совпадений не бывает.

Он встал. Напарник поднялся следом.

— Мы будем наблюдать. Через тебя. Ты — его допуск. Если он опасен, ты ответишь. Если полезен, получишь бонус. А если просто сбился с курса...

Мальдонадо посмотрел на пол.

— Значит, сегодня день великих случайностей.

Эли дождалась, пока за ними закроется дверь. Ей хотелось окликнуть его, заставить забрать хотя бы этот последний приказ. Вместо этого она достала платок и собрала чай с пола. Пыль пристала к влажной ткани. Ни одного листка из этой заварки уже не спасти.

Она высыпала всё в урну и вымыла руки. За окном было светло. Прежде чем уйти в кафе, она оставила Люмена ждать её в приёмном покое. Пора было возвращаться.

Утро в городе

Руку Люмену зашили быстро. Врач проверил зрачки, о документах не спросил и уже звал следующего, когда Люмен натягивал куртку.

На крыльце больницы он остановился. Утренний воздух пах чем-то химическим, словно улицу только что вымыли. На мостовой не было ни окурков, ни бумажек.

Он пошёл вдоль домов. Издали ему понравились лепнина, карнизы и аккуратные вывески. Потом в просвете между двумя фасадами показался двор: голый бетон и плесень на стене.

Рядом с освещённой витриной был заколочен проём. Доски ещё пахли деревом. Над дорогим магазином тканей окна второго этажа были заклеены крест-накрест синей изолен-той. Почему — Люмен не знал. Он замедлил шаг, разглядывая широкие полосы на стекле.

Даже плитка под ногами была подобрана с тщанием. За-патки отличались оттенком, но хорошо совпадали по узору. — Город-конструктор, — пробормотал он.

Мимо прошла женщина с мальчиком. Игрушечная тележка стучала колёсами. Женщина быстро посмотрела на Люмена, взяла ребёнка за руку и повела дальше.

На площади открывались лавки. Люди несли сумки, пили кофе на ходу; разговоры доносились негромкие. Люмен сел

на скамью в стороне от прохода. Отсюда не было видно входа в метро, зато весь ряд домов был перед глазами.

У одного фасад выступал за край фундамента. У другого окна на разных этажах различались размером. На крыше третьего стояла крылатая женщина с факелом. Люмен прищурился: факел был примотан к её руке проволокой.

— Ремонтируете? — спросил он у проходившего мужчины с авоськой.

Тот проследил за его взглядом.

— А, это. Давно уже. Ещё до меня.

— И не чинят?

— А зачем? Держится же.

Мужчина ушёл. Люмен ещё немного смотрел на проволоку. Ему всё меньше нравилось, как хорошо она была спрятана: с улицы статуя казалась целой. Он вспомнил стены во дворе и синюю изоленту над магазином.

Над крышами было пустое небо. По архивам Творцов, когда-то здесь висела «Надежда». Люмен попытался представить её над площадью, но взгляд всё равно возвращался к факелу.

Он поднялся и пошёл обратно к больнице. Нужно было найти Эли и решить, где остановиться. За короткую прогулку он успел набрать больше вопросов, чем готов был задать.

Торговый центр

— Нам сюда, — сказала Эли у стеклянных дверей.

За ними открывался атриум с мраморным полом и пальмами в кадках. Листья были сизыми, перистыми. Люмен ожидал шумного рынка, но здесь продавцы разговаривали тихо, а у прилавков почти не было очередей.

Он приняхался. От одной витрины тянуло цветами, от другой — деревом и цитрусами. Под всеми запахами держался ещё один, сладковатый.

— Корень, — пояснила Эли. — Его добавляют во всё. На нём держится композиция.

На полках стояли флаконы, распылители и коробки с тиснением. Люмен задержался у прилавка, делая вид, что читает ценники. Продавщица разговаривала с женщиной, которая стояла, ссутулившись и прижав сумку к животу.

— Когда всё время ждёшь подвоха, трудно расслабиться, — говорила продавщица. — Попробуйте этот. Мне кажется, вам подойдёт.

Она протянула узкий флакон. Покупательница нанесла аромат на запястье, вдохнула. Плечи у неё немного расправились, складки возле рта разгладились.

— Возьму два.

Люмен отошёл к колонне, где его ждала Эли.

— Видишь? — спросила она.

— Она едва понюхала, а уже решила покупать. Кажется, ей было важнее, как с ней поговорили.

Эли кивнула в сторону соседнего прилавка.

Там пожилой мужчина выбирал аромат для деловой встречи. Он упомянул имперских партнёров и спросил, не слишком ли резкий запах. Молодой продавец убрал первый флакон и достал тёмный.

— Тогда этот. Спокойнее. С ним можно выдержать паузу и не казаться растерянным.

Мужчина понюхал и достал деньги. Цену он не переспросил.

— Как они это делают? — Люмен понизил голос. — Гипноз?

— Внимание. Их с детства учат смотреть и слушать. Чего человек боится, чего ему не хватает. Потом предлагают то, за чем он на самом деле пришёл.

— Ты говоришь так, будто они каждого видят насквозь.

— Ты же сам видел, как покупают.

— Покупки я видел. Но это ведь манипуляция.

— А у вас на Творцах по-другому?

Люмен уже собирался ответить. Вспомнил наставника: тот иногда просто ждал, пока Люмен сам выложит всё, что хотел скрыть. Вспомнил молчание на Совете. И друга, которому он однажды начал помогать, даже не спросив, нужна ли помощь.

— Мы не продаём это.

— А что вы с этим делаете?

Он посмотрел на женщину, уходившую с двумя флаконами. У них тоже умели успокоить, убедить, подвести к решению. Пользовались этим внутри своей цивилизации. От его ответа Эли легче бы не стало.

— Нам нужно было выживать, — сказала она. — Ни ресурсов, ни армии, ни поддержки. Осталось угадывать, что нужно другим, и давать это. Мы научились хорошо.

— И теперь не можете остановиться?

Эли задержалась у витрины.

— Если остановимся, на что будем жить?

Они пошли дальше. Пожилая продавщица провожала молодую пару. Улыбалась, поправляла ленту на пакете; руки у неё дрожали. Люмен подумал, сколько таких разговоров у неё бывает за день. По лицам продавцов он этого определить не мог.

У большого прилавка стоял стеклянный куб. Внутри лежал коричневый корень, похожий на сухую ветку. Здесь сладковатый запах был сильнее; Люмену пришлось отступить на шаг.

— Трогать нельзя, — сказала Эли. — Главный наш ресурс. Сырым не продаём, только переработанным. Так, чтобы без нас не повторили.

— Империи нужен ваш товар, а вам — её покупки?

— И не только её. Но без торговли колония не проживёт. Люмен посмотрел на корень, потом на прилавки.

— Те двое ушли довольными. Это ведь тоже чего-то стоит.

— Мы продаём иллюзию.

— Я не знаю, что делает корень. Но женщине стало легче. Хотя бы на время.

Эли долго смотрела на него.

— Некоторые всю жизнь здесь живут и видят только духи.

— Я, кажется, узнаю знакомое. У нас умеют дать почувствовать, что ты на своём месте. Только плату не называют.

— И помогает?

— Не всегда.

У выхода он обернулся. Женщина с двумя флаконами ещё стояла у стойки, слушала, как ими пользоваться. Люмен не мог решить, что тревожило его сильнее: чужая торговля вниманием или то, как легко он узнал в ней привычные вещи.

Остаток дня они провели в городе. К вечеру Эли проводила его в гостиницу. Люмену хотелось лечь и дать руке отдохнуть.

— Завтра зайду до рассвета, — сказала она у двери. — Покажу ещё одно место.

— До рассвета?

— Если не передумаешь.

Он не передумал, но на всякий случай попросил постучать погромче.

Рассвет

На следующее утро Эли пришла в гостиницу, когда за окнами ещё было темно. Люмен оделся и вышел к ней. Рука под повязкой была меньше, чем накануне, пока не пришлось натягивать рукав.

Она свернула с главной улицы в проулок.

— Мы куда-то опаздываем? — спросил он.

— Если поторопимся, успеем.

— Куда?

— Наверх.

Они пересекли двор, поднялись по лестнице жилого дома, потом вышли на наружную. Ступени гремели под ногами. Последний пролёт пришлось преодолеть по узкой металлической стремянке; Люмен старался держаться здоровой рукой. Эли поднялась первой и дождалась его у края крыши.

Среди старых антенн и вентиляционных труб стояла деревянная скамья. Отсюда было видно весь город. Эли села, подвинулась. Люмен опустился рядом, переводя дух.

— Ради этого меня подняли?

— Подожди.

Внизу проехал первый транспорт. Гасли фонари, из дворов доносился стук дверей. За дальними крышами светлела узкая полоса неба.

— Уже красиво, — сказал Люмен.

— Сейчас будет лучше.

Над домами появился оранжевый край солнца. Блеснуло стекло витрин, свет добрался до антенн и лёг на скамью. Эли чуть прищурилась. Люмен впервые видел, чтобы она так долго сидела, никуда не оглядываясь.

— Ты любишь рассветы?

— Каждый. Даже когда не вижу. Знаю, что где-то он всё равно есть. Встаёт и встаёт. Двести лет встаёт.

— Двести лет?

Она продолжала смотреть на солнце.

— Я закаты чаще видел, — сказал он после паузы. — У нас к вечеру работа заканчивается. Можно сесть на смотровой площадке и никуда уже не спешить.

— А я люблю успеть к началу. Пока ещё никто ничего от тебя не хочет.

Снизу донеслись голоса. Люмен посмотрел на Эли. На свету она казалась не старше, чем в вагоне.

— Сколько тебе лет?

Она повернулась к нему, потом снова посмотрела на крыши.

— Сейчас я не хочу об этом говорить.

— Даже примерно?

— Пока нет.

Люмен кивнул. Он помнил, как её плечо держало его вес в кабине. Сейчас они сидели рядом, и он уже мог обходиться без этой опоры.

— Спасибо.

— За что?

— Что показала. И рассвет, и город. Торговый центр. Я начинаю что-то понимать.

— Только не торопись. Ты ещё не решил, что с нами делать.

— А что я могу с вами сделать?

— Попытаться починить. У тебя такой вид, когда ты на всё это смотришь.

Он хотел возразить, но вспомнил проволоку на факеле. Уже думал, как бы её заменить, хотя никто его не просил.

— А если не чинить?

— Тогда пока посиди рядом.

Они ещё немного посидели. Солнце согревало спину, город внизу становился всё громче. Эли встала и протянула ему руку.

— Пойдём завтракать. Я обещала тебя кормить.

Он взял её руку, поднялся. До лестницы они дошли вместе, дальше Люмен пропустил Эли вперёд и осторожно начал спускаться.

Имперский визит

Они спустились с крыши и вышли из двора. Эли остановилась у проулка, посмотрела на главную улицу. Люмен ещё думал о завтраке, когда она взяла его за локоть.

— Что случилось?

— Имперцы. Сегодня.

Перед администрацией стояли две толпы. Слева — цветы, имперские флажки, плакаты «Добро пожаловать». Женщина держала на плечах ребёнка; тот махал маленьким флагом. Справа люди ждали с плакатами «Империя — вон» и «Хватит кормить чужих». Между ними оставалась широкая полоса пустой мостовой.

— Ничего себе, — сказал Люмен.

— Это ещё тихо. Бывает хуже.

Эли чуть повернула его за локоть.

— Плечи опусти. Подбородок выше. Руки не прячь.

— Куда смотреть?

— На людей. Только не впивайся взглядом. И первым не улыбайся.

Он уже улыбнулся женщине с ребёнком. Эли коснулась костяшкой пальца его подбородка.

— Нейтрально, Люмен. Не нужно им нравиться. Просто иди спокойно.

Мимо прошёл имперский офицер. Кто-то справа сплюнул

на камни. Люмен опустил плечи и пошёл рядом с Эли, стараясь не смотреть на один и тот же плакат.

На площадь въехали чёрные машины с имперскими гербами. Знак луны он помнил по архивам. Из центральной машины вышел высокий седой посол в мундире. Улыбнулся, помахал рукой. Слева захлопали. Справа загудели и засветили.

Местные чиновники повели посла к администрации. Возле пустой полосы он повернул голову вправо; Люмену показалось, что улыбка стала уже.

— Видел? — прошипел мужчина поблизости. — Даже не посмотрел на нас. Предатели.

— Это просто улыбка, — тихо сказал Люмен Эли.

— Здесь её так не оставят. Будут разбирать каждый поворот головы. Насколько долго смотрел, кому кивнул.

— Думаешь, он специально?

— Думаю, Империя умеет дозировать внимание. А мы потом спорим, любят нас или терпят.

Посол скрылся в администрации. Часть людей с цветами уже расходилась. На другой стороне площади стояли, глядя на закрытые двери. Эли потянула Люмена в боковую улицу.

— Пойдём. Быстро.

Он оглянулся перед поворотом. Один из парней с плакатом подошёл ближе к пустой полосе, но переходить её не стал.

— Здесь опасно в такие дни, — сказала Эли, отпустив его

руку.

— Из-за визита?

— Из-за того, что после него начнётся. Сегодня ждут любви, завтра ненавидят. Потом кто-нибудь срывается. Потом просят прощения. И снова ждут.

Люмен смотрел на неё. На крыше она никуда не торопилась. Сейчас шла быстро, и ему приходилось прибавлять шаг.

— И выхода нет?

— Империи выгодно, чтобы мы ждали её решения. А мы уже без этого ожидания не знаем, чем жить.

Из-за угла ещё доносились свист и аплодисменты. Люмен поймал себя на том, что пытается вспомнить улыбку посла точнее. Не ширину — хотя бы сколько она длилась. Он видел её несколько секунд, а уже перебирал в памяти вслед за остальными.

Обыск

Ночью Люмен проснулся от треска двери. Рывком сел, и боль в руке сразу его разбудила окончательно. Свет фонаря ударил в лицо.

— Не двигаться! Лежать!

Он прикрыл глаза здоровой рукой. В номер вошли четверо или пятеро в грубой местной одежде, с нашивками. Имперской формы ни на ком не было. Ближайший, широкоплечий, с нашивкой через всю грудь, наклонился к кровати.

— Где передатчик? Где имперская аппаратура?

— У меня ничего нет. Я исследователь, моё судно разбилось.

— Судно разбилось! — передразнил кто-то у двери. — Сейчас проверим.

Они уже открывали ящики. Одежда летела на пол, один из пришедших запустил руку под матрас. Люмен отодвинулся к стене. Ему хотелось встать, но он не понимал, кому здесь можно что-то объяснить.

— Стоять.

В дверях была Эли с пакетом в руке. Она смотрела на мужчину у кровати.

— Я сказала: стоять.

Тот обернулся, сделал движение к двери и остановился.

— Эли?

— Уходите.

— Мы проверяем чужаков. Приказ Совета.

— На моих гостей он не распространяется. Сейчас же уйдёте, или я позвоню Мальдонадо. Расскажу, как его люди без ордера врываются в жильё и пугают исследователя с разбитой рукой.

Мужчина посмотрел на Люмена, потом опять на неё. Остальные перестали шарить по вещам.

— Откуда мне знать, что ты не врёшь?

— Ты меня знаешь. И знаешь, куда отправишься, если я ему позвоню. Гравитационные коллекторы на южном полюсе. Сейчас там дожди. Про прошлую бригаду напомнить?

Люмен ждал, что тот начнёт спорить. Мужчина махнул своим.

— Валим.

В дверях он задержался.

— Счастливчик. Только это не навсегда.

Они ушли. Внизу хлопнула дверь. Эли поставила пакет на стол и оглядела вывороченные ящики, сдвинутый матрас, одежду на полу.

— Извини. Предупредить не успела.

Люмен всё ещё сидел у стены.

— Кто ты?

— Эли. Та, что вытащила тебя из корабля.

— Я помню. А сейчас?

Она подошла к окну и посмотрела вниз.

— Сейчас можешь ложиться спать. За ними никто не идёт.

— Как ты их прогнала? Они даже спорить не стали.

— Нужные слова нужным голосом. Ты же видел вчера в торговом центре, как это работает. Здесь просто пришлось быстрее.

— Ты не продавец.

— Зато знаю нужные имена.

Она достала из пакета хлеб, сыр и бутылку воды.

— Есть будешь? Или сначала приберёмся?

Он посмотрел на разбросанные вещи. Только сейчас заметил, как сильно сжал край одеяла, и разжал пальцы.

— Ты часть всего этого. Той системы, которую я сегодня видел.

Эли отломил хлеб.

— Часть.

— И мне тебя бояться?

— Я бы предпочла, чтобы ты поел.

Она протянула ему кусок. Хлеб ещё был тёплый. Люмен взял, подвинулся, освобождая край кровати от сбившегося одеяла. Эли села напротив.

— Спасибо, — сказал он.

— Ешь. Завтра длинный день.

За окном прошумела магнитка. В комнате пахло хлебом, на полу лежала его куртка. Люмену не хотелось вставать за ней: стоило Эли уйти, и придётся самому решать, как спать

с такой дверью.

— Ты часто кого-то спасаешь?

Она не сразу ответила.

— Только тех, кто падает с неба. Профессиональное.

Он улыбнулся. Рука всё ещё болела, и комната оставалась разгромленной, но теперь можно было хотя бы доесть хлеб, не ожидая фонаря в лицо.

Ягодный чай

После ночного обыска в гостинице Люмен шёл за Эли, всё ещё вспоминая, как быстро ушли люди, ворвавшиеся в его номер. В квартире он огляделся: выцветшие обои, старый диван с белым вязаным пледом, горшки с зеленью на подоконнике. В углу стоял прикрытый тканью мольберт.

Эли бросила ключи на тумбочку.

— Раздевайся. Ягодный чай будешь?

Под диваном зашуршало. Люмен наклонился, успел увидеть два жёлтых глаза.

— А это кто?

— Лёлик. Не обращай внимания, стесняется.

Люмен повесил куртку. Над диваном висела картина с золотыми и серебряными мазками. На полке теснились книги, свечи и керамическая чашка с кистями.

— У тебя уютно.

— Это называется «не успела прибраться». Садись.

Он сел. Эли принесла прозрачный заварник с ягодами, две кружки и плошку тёмного мёда. В воде плавали облепиха и клубника; остальных ягод Люмен не узнал.

— Рука как? — спросила она, разливая чай.

— Ноем. Терпимо.

— К утру пройдёт. Завтра забудешь.

Он устроил руку на коленях и отхлебнул. Чай был кислым,

с мёдом стал мягче.

— Вкусно.

— Сама собираю. На верхних террасах кустов полно, почти никто не рвёт. А я люблю.

Люмен потянулся поставить кружку и заметил на полке фотографию. Девочка в большом свитере держала игрушечного медведя. Он встал, чтобы рассмотреть. Девочка оказалась похожей на Эли, особенно складкой возле рта, но снимок был старый, нечёткий.

— Это...

Эли подняла глаза. Встала, взяла фотографию с полки. Люмен отступил, давая ей пройти к шкафу.

Она достала плоскую коробку из-под пиццы, положила внутрь снимок и закрыла крышку. От картона пахнуло старым жиром. Коробку Эли задвинула в щель между шкафом и стеной. Люмен видел, куда она её убрала.

— Прости, — сказал он.

— Ты не виноват.

Она вернулась в кресло. Он тоже сел, взял кружку. Хотелось спросить, кто девочка, но Эли уже отвернулась к окну. Он подождал, пока она снова возьмётся за чай.

Из-под ткани на мольберте виднелся край холста с золотистой шерстью.

— Ты рисуешь?

— Пытаюсь.

— Можно посмотреть?

Она пожала плечами. Люмен подошёл и приподнял ткань.

На холсте был почти законченный золотистый ретривер. Рядом с собакой углём были намечены два человека — женщина и мужчина, пока без лиц. Он задержал ткань в руке, разглядывая линии.

— Кто это?

— Неважно.

Эли ответила, не поднимая глаз от кружки. Люмен опустил ткань на место.

— Хорошая собака, — сказал он и вернулся на диван.

Ему хотелось заговорить, но теперь приходилось выбирать, о чём можно спросить. Взгляд снова ушёл к полке, где между книгами осталось пустое место.

— Эли...

— Знаю. У тебя куча вопросов. Давай сегодня просто посидим. Ладно?

— Ладно.

Чай ещё был горячий. За окном постепенно стихал город. Из-под дивана больше не шуршали; Люмен поставил кружку потише, чтобы не спугнуть Лёлика, если тот всё-таки решится выйти.

Храм Хаоса после новости

К вечеру Люмен уже устал сидеть в кафе. После бессонной ночи всё время хотелось спать, но стоило закрыть глаза — вспоминался фонарь. Он допил кофе и отодвинул чашку.

Эли вошла быстро, остановилась у его столика.

— Что случилось?

— Пойдём. Надо тебе показать кое-что.

На улицах люди собирались у входов в лавки, разговаривали, поглядывали в небо. Люмен едва поспевал за Эли.

— Ты скажешь, что происходит?

— Склад на Ганиমেде-3 взорвали. Наша вторая ресурсная база. Кто — неизвестно, а контакты уже обрублены.

— При чём здесь колония?

— Мы полгода вели с ними переговоры за спиной Империи. Тайно. Утром их разведка доложила своему совету, наш посол сообщил нам. Я только к вечеру узнала.

Она остановилась, пропуская людей на перекрёстке.

— Помнишь посла, который приезжал? Седой, в мундире?

— Помню.

— Наши эксперты разобрали его улыбку. На два миллиметра уже, чем полагается надёжному партнёру. Теперь в Совете уверены: Империя нас бросит.

— Два миллиметра? Серьёзно?

— Я тебе говорила, что её разберут. Вот и разобрали.

— Но это ничего не доказывает.

— Попробуй им объясни.

Они свернули в старый промышленный район. Эли осталась перед бывшим цехом. Высокие окна почти уходили под потолок, стены были покрыты граффити. Сквозь дверь доносился усиленный микрофоном голос.

— Храм Хаоса, — сказала она. — Заходи.

Внутри стояло человек двести. В полуподвале гудели колонки; у сцены люди двигались в такт, теснили друг друга. Люмен остался возле входа. Слова со сцены было трудно разобрать.

— Новость уже дошла, — сказала Эли ему на ухо. — Для них это повод праздновать. Чем ближе всё к краху, тем лучше.

— Праздновать? Им склад не нужен?

— Они верят, что сначала надо всё разрушить. Тогда появится новое. Обрубили контакты — хорошо. Империя отвернулась — ещё лучше.

Со сцены донёсся хлопок, вспыхнуло. Толпа закричала, кто-то засмеялся и поднял руки. Люмен вздрогнул. Рядом мужчина смеялся так громко, что закашлялся, но всё равно продолжал кричать.

— Зачем ты меня сюда привела? — спросил Люмен, наклонившись к Эли.

Она сжала кулаки.

— Ну зачем опять? Мы только начали договариваться с другими. Появился шанс выдохнуть. Кто-то взорвал склад — и всё сначала. Паника, обвинения, унижения. Потом опять будем просить прощения.

Она говорила почти ему в лицо, перекрывая шум. На последнем слове голос сорвался.

— Эли...

— Не надо. Я в порядке.

Он не стал её трогать. Она смотрела на сцену; по щеке ходил желвак. В проходе уже танцевали, над головами махали флагом со спиралью, закрученной в обе стороны.

— Думаешь, здесь одни маргиналы? — сказала Эли. — Сегодня эти пришли. Завтра придут те, кто сейчас сидит дома и боится.

— Но можно же что-то сделать. Вы умеете договариваться, убеждать. Я видел в торговом центре...

— С кем ты предлагаешь договориться? С теми, кто сейчас радуется? Или с теми, кто измеряет улыбку посла?

Люмен замолчал. Эли пошла к выходу, и он протиснулся следом.

На улице шум стал глуше. Она достала сигарету, прикурила. Люмен прежде не видел, чтобы она курила.

— Что теперь будет?

— Думаю, начнут искать виноватых. Потом кто-нибудь захочет ответить погромче. Империя закрутит гайки, мы станем добиваться прощения. А через какое-то время снова ре-

шим, что всё наладилось.

— Это можно остановить.

Эли выдохнула дым.

— Если отказаться от того, на чём живём. От ресурсов, от Империи, от надежды, что она всё за нас решит. Кто согласится?

Люмен уже перебирал, что могли бы предложить Творцы. Нужно было понять, чего именно не хватает колонии, с кем говорить.

— Я мог бы...

— Не начинай, Люмен.

— Ты ещё не слышала.

— У тебя такой вид. Сейчас предложишь план, чтобы всё починить. Ты здесь несколько дней. Я на это двести лет смотрю. Сначала посмотри и ты.

Она затушила сигарету и пошла к центру. Люмен задержался у двери. Изнутри доносился смех. Ему казалось, что оставить людей с этим смехом и страхом — тоже выбор, за который потом придётся отвечать. Он догнал Эли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.